

Глава 21. Ошибки Дамблдора

Если попытаться подобрать слово, которое Гарри использовал бы, чтобы описать то, как он провёл последнюю неделю, то это – погрязши.

Ничто не смогло избавить его от страданий. Он проводил практически всё свое время, сидя на краю Гриффиндорского стола, практикуясь в чарах хамелеона и поедая любую пищу, появившуюся рядом на столе. Мальчик даже был практически уверен по поводу того, что даже спал, сидя на прежнем месте, по-прежнему невидимый для других.

Дезиллюминационное заклинание – единственное волшебство, которое Поттер совершал за последнее время. Тепло палочки во время сотворения чар – единственное, что согревало его сердце, пока он находился в холодном зале. Ему определенно не хватало Кэти, и он скучал по той короткой вспышке романтики, которую испытывал в компании с девушкой.

Несмотря на это, Гарри был уверен в том, что не любил её. Мальчик не очень много знал о любви, – ведь его единственным источником знаний об этом, до свидания с охотницей, была чрезмерно романтическая чепуха в любимых книгах тёти Петунии – однако он понимал, что знает девушку недостаточно хорошо, чтобы испытывать к ней настоящую любовь. Ему просто было приятно проводить время с Кэти, – вполне очевидно, что он ей тоже нравился, – и до тех пор, пока эти взаимоотношения не пошли прахом, зеленоглазый волшебник знал, что никогда полностью не станет безликим никем. Это успокаивало Гарри и одновременно возвышало важность девушки в его глазах, как мало кого другого. Но теперь всё это ушло, и ему оставалось только тосковать по тому, о существовании чего он раньше и не подозревал.

Что терзало его больше всего так это то, что он не мог взять толк, почему охотница это сделала. Ведь именно Кэти пригласила его на свидание в Хогсмид, – это она инициировала каждый аспект их недолговечных отношений и, казалось, была так же довольна находиться в его компании, как и Гарри в её. Её реакция просто не имела для него смысла.

Зеленоглазый волшебник мог бы понять – если бы действительно попытался – реакции других членов его родного факультета. Они устали постоянно находиться в его тени, и, – как бы он ни ненавидел свою славу, – до сих пор ничто и никогда не позволяло им выйти на свет. Проведя большую часть первых одиннадцати лет своей жизни безликой массой, словно невидимый для всех, Гарри мог бы посопереживать им, хотя и в корне не был согласен с их реакцией. Он даже был способен понять отторжение его навязанной семьи по отношению к магии – все обычные люди боятся неизвестного. Однако решение Кэти казалось настолько необъяснимым, что Поттер, – как бы он не пытался, – до сих пор не мог поверить в факт произошедшего. Должно быть, девушка имела представление о том, что на самом деле замышляет Роджер Дэвис, и что она будет сожалеть об этом позже, но охотница всё равно сделала это. Данный факт оставлял мальчика в недоумении относительно того, как ему реагировать на это, иначе бы он уже давным-давно поговорил с ней.

Гарри не разговаривал ни с одним живым человеком с тех пор, как Кэти убежала от него в Гриффиндорскую башню со слезами, грозящими сорваться с её глаз. В одно время ему казалось, что он должен поговорить с ней, извиниться или попытаться исправить ситуацию, но

мальчик просто не мог заставить себя даже попытаться. Это чем-то напоминало стул, случайно разбитый вдребезги ими, когда они находились в Визжащей хижине. Починить его – означало уничтожить запоминающийся момент, – и, хотя Гарри не жаждал ничего больше, кроме как исправить произошедшую ситуацию, он понимал, что это просто позволит случиться этому снова. Они с Кэти могли бы всё наладить: ощущаемое тепло вернулось бы вместе с отношениями и теми чувствами, что он существует, что он действительно что-то значит и что является кем-то, – но это возрождение только послужит для того, чтобы он рухнул в бездну ещё раз. Поэтому Гарри не мог найти в себе смелость, чтобы снова рискнуть, а взамен ещё раз испытать это чувство опустошения и безликости. Его храбрость нашла свой предел.

'Что ж, Гриффиндорец из меня такой себе...'

Теперь абсолютно всё казалось Поттеру довольно бессмысленным, ведь он является крестражем. Пытаться стать сильнее? Бессмысленно, раз ему в скором времени предстоит умереть. Пытаться стать значимой личностью? А какой в этом смысл, если его существование не продлится долго? Дамблдор найдёт оставшиеся крестражи, созданные Томом Реддлом, уничтожит их, и тогда настанет его очередь.

Контуры его тела постепенно начинали проявляться, поэтому Гарри решил заново наложить на себя чары хамелеона. Магия закружилась вокруг палочки с мягкой рябью тепла, устремившейся вверх по его руке, и мальчик безразлично отметил, что наконец-то достиг состояния полной невидимости, которого не дано постичь большинству ведьм и волшебников. Была некая горькая ирония в таком прогрессе мастерства в заклинании, которое делало его невидимым, незаметным и безликим, в то время как быть пустышкой – это то, чем он являлся на протяжении всей жизни.

'Замечательно.' – с самоиронией подумал зеленоглазый волшебник. 'Теперь я смогу красться в совятню даже лучше, чем Флер Делакур.'

Появился небольшой всплеск гордости от того, что ему удалось превзойти другого чемпиона, особенно когда она так пренебрежительно отнеслась к нему, но этот прилив быстро был сметён волной апатии, которая поглотила и всё остальное. Французская ведьма была талантливой и, вероятно, даже того возраста, которого ему когда-либо удастся достичь. У девушки будет карьера, семья, дети, – в общем всё то, о чём Гарри мечтал, и ничто из того, на что он готов был пойти, не могло этого изменить.

Флер Делакур, возможно, придётся прочитать имя черноволосого подростка с кубка Турнира Трёх Волшебников, но это будет скорее эпитафия, чем утверждение триумфа. Вся его гордость по поводу победы останется лишь горьким привкусом во рту из-за надвигающейся кончины.

На самом деле Гарри был искушён решением Салазара даже больше, чем позволял себе это показывать. В мире существовало порядочное число ведьм и волшебников, которые заслуживают смерти намного больше, нежели он. Мальчик не лгал, когда говорил, что не в его праве судить других или выносить им приговор, но было много и тех, кто уже был осуждён и приговорён к смерти самим обществом. Сейчас они жили украденным временем и заслужили смерть, которая может спасти его. Поэтому его отказ был вызван лишь отчаянным желанием

не походить на Тома Реддла ещё больше, чем он уже есть сейчас, и отвращением к самому Убивающему Проклятию.

Зеленоглазый волшебник очень сомневался, что кому-либо под силу убедить его воспользоваться проклятием, которое лишило его семьи, оставив совершенно никем. Если ему и суждено умереть, то он предпочёл бы, чтобы это произошло на его собственных условиях, среди равных или, по крайней мере, с теми, кто его уважает.

'Но в этом мире лишь сильные получают уважение...'

Гарри где-то вычитал эту фразу. В одном из руководств Вернона по менеджменту и лидерству, в каком-то романе Петунии или в одной из сотен магических книг, которые он когда-либо читал в Хогвартсе. По факту, не имело никакого значения, откуда это строчка; – ведь это чистая правда. Если ему не суждено дожить до того момента, когда он сможет стать кем-то великим, найти себе равного, то, по крайней мере, он уйдёт уважаемым.

'Нельзя продолжать грязнуть в депрессии. Нельзя продолжать избегать грядущего.'

Дезиллюминационные чары внезапно исчезли, одно лишь намерение быть замеченным и уважаемым свело их на нет. Прошло всего несколько минут, прежде чем его заметили. Подросток стойчески игнорировал взгляды других учеников и перешёптывания, и ни один его мускул не дернулся, даже когда он услышал имя Кэти.

"Мистер Поттер." – прозвучал строгий голос профессора МакГонагалл через несколько затнувшихся минут. "Не соизволите ли пройти со мной в кабинет директора?"

Гарри поднялся со своего места, напряжённо потягивая заочевшие мышцы. 'Интересно, чего хочет Дамблдор?' Старый волшебник не обмолвился с ним ни словом с того дня, когда отчитал его больше месяца назад в арьерзале.

"Если желаете, мистер Поттер, мы можем пройти через башню факультета, чтобы вы могли переодеться в более свежую одежду." – в её голосе прозвучало жесткое предложение, больше похожее на приказ.

"Всё в порядке." – улыбнулся мальчик, глядя на свою мантию, выглядящую изрядно помятой и сморщенной. Едва заметным движением волшебной палочки в рукаве он преобразил школьную форму. Свежая, чистая и выглаженная чёрная мантия заняла место его потрёпанной одежды.

"Ты стал гораздо способней, чем я думала." – вставила своё слово МакГонагалл. В её глазах мелькнуло одобрение, когда она осмотрела преображение Гарри. "В таком случае, сразу в кабинет директора."

Между ними не было произнесено ни слова, пока они не добрались до каменной горгульи.

"Засахаренные Кристаллы." – приказала женщина таким тоном, который подразумевал определённую степень смирения с выбором паролей для входа директором.

Поттер медленно поднимался по винтовой лестнице вслед за главой Дома, с каждым шагом гадая всё больше о причинах, по которым его могли вызвать. Он не видел и не слышал ничего от Дамблдора с тех пор, как директор выразил своё разочарование в нём после его выбора Кубком Огня на Турнир Трёх Волшебников. Юный чемпион же, после недавних осознаний, совершенно не хотел видеть старика.

"Гарри." – поприветствовал директор зеленоглазого волшебника, указывая на стул перед своим столом. "Леденцы?" – он протянул миску с оскорбительно яркими полосатыми конфетами по направлению к нему. Мальчик вежливо покачал головой, всё ещё удивляясь эксцентричности самого могущественного в мире волшебника.

"Профессор МакГонагалл очень переживает за тебя, Гарри." – печально объявил директор, убирая чашу. "Ей довелось услышать некоторые слухи касательно тебя и, после некоторого расследования, она поделилась своими подозрениями со мной.

Пожилой профессор провёл рукой по своей серебряной бороде и слегка поёрзал на стуле. "Кажется, что никто не видел тебя уже довольно долгое время, Гарри. Некоторые из твоих сокурсников весьма обеспокоены твоим состоянием.

"Кто?" – искренне любопытствовал мальчик.

"Мисс Уизли, мисс Белл и мистер Лонгботтом." – Дамблдор посмотрел на него пронзительным взглядом; его ярко-голубые глаза сверкали и искрились, словно норовя пробуравить его душу. "Я рад, что тебе удалось узнать больше о своём плаще-невидимке, Гарри. Это, несомненно, мощная фамильная реликвия, но ты должен попытаться устоять перед искушением постоянно пользоваться ею. Такие артефакты, как твой плащ, несут в себе определённый риск, и зависимость от их использования – опасна.

"Я не понимаю о чём вы." – с искренним недоумением ответил Поттер. "Семейная реликвия или же нет, – это всего лишь плащ-невидимка, на который наложено несколько дополнительных чар."

Директор слегка сдвинул очки в форме полумесяца, перемещая их на переносицу. "Что тебе известно о возрастных линиях, Гарри?" – спросил он с любопытством.

"Они не позволяют кому-либо младше установленного возраста пересекать их." – пожал плечами мальчик.

"А ты знаешь каким образом?"

"Нет."

На мгновение директор показался невероятно старым. "Похоже, я совершил ошибку. В последнее время их становится слишком много..."

"Что вы имеете в виду?" – Зеленоглазый волшебник надеялся, что старик собирается рассказать ему о крестражах, но почему-то сомневался в этом.

"Твой плащ – крайне полезная вещь, Гарри. Это не просто плащ-невидимка, а редкий артефакт, предназначенный для того, чтобы полностью скрывать своего владельца, – включая и всё связанное с его магией. Возрастная линия может быть обманута только объектами такого уровня. По своей сущности, это очень простой – хоть и расплывчатый – оберег, который способен различить возраст волшебника или ведьмы по их магии, а затем реагирует соответствующим образом, поэтому эти чары практически невозможно обмануть. Особенно в сочетании с Кубком Огня, – предметом, который сам по себе крайне трудно обмануть. Боюсь, что когда твоё имя вылетело из кубка, я априори предположил, что тебе удалось разузнать истинные способности семейной реликвии, и ты воспользовался этим. Я чувствовал, что это наиболее вероятная возможность, и мне стыдно признаться, что я никогда не рассматривал другие варианты.

"Я им не пользовался!" – инстинктивно стал защищаться мальчик, а затем, вспомнив, что однажды сказал ему директор перед зеркалом "Еиналеж", продолжил с лёгкой улыбкой. "К тому же, мне не требуется плащ, чтобы становиться невидимым, директор."

"Это замечательная способность, Гарри." – улыбнулся Дамблдор, в выражении его лица явно проглядывала гордость. "Сейчас и ты вместе со мной принадлежишь к тому ряду немногих волшебников и ведьм, которые смогли достигнуть такого уровня исполнения дезиллюминационных чар. Я искренне рад, что мне не придётся задаваться вопросом, подкинул ли ты своё имя в кубок."

"Это, разумеется, всё очень хорошо, Альбус, но истинная причина нашего визита кроется вовсе не в этом." – тон профессора МакГонагалл приобрёл дополнительную нотку жёсткости, выражая толику раздражения.

"Я знаю, Минерва." – глубокомысленно кивнул директор. "Но, как мне кажется, выяснить правду тоже было очень важно."

"Я обеспокоена слухами о том, что вас, мистер Поттер, не видели в Гриффиндорской Башне уже целый месяц. К тому же, когда я стала расспрашивать о твоём местонахождении, мои Гриффиндорцы, мои львята, даже не удосужились озаботиться этим вопросом! Что творится в моём Доме?" – Профессор МакГонагалл сжала губы в том же выражении ужаса и возмущения, которое она обычно приберегала, что показать его в ответ на попытку Невилла что-либо преобразить на её уроке.

"Они не понимают меня." – просто ответил Гарри. Мальчик не хотел объяснять причину

образовавшейся трещины в их отношениях. Она, в любом случае, не исчезнет только потому, что об этом узнают директор и глава его факультета.

"Мы можем что-нибудь с этим сделать?" – спросила профессор Трансфигурации, смягчая тон.

"Нет, ничего." – криво усмехнулся Поттер, вспомнив, чем он является. "из того, что можно или необходимо сделать."

"Что ж, хорошо." – вздохнул Дамблдор. "Я сделаю всё, что в моих силах, дабы выяснить то, каким образом ты оказался участвующим в Турнире Трёх Волшебников. У профессора Грюма есть свои подозрения; он уже несколько недель твердит мне, что лица врагов в его зеркале с каждым днём становятся всё ближе и отчётливее."

Зеленоглазый волшебник слегка поёрзал на стуле; он довольно скептически отнёсся к параноидальному профессору и его странным приборам.

"Есть ли что-нибудь, что ты хотел бы обсудить со мной, Гарри? Ты довольно хорошо справился с первым заданием, – намного лучше, чем кто-либо из нас ожидал, особенно учитывая то, что палочка на тот момент у тебя была абсолютно новая."

Существовало множество вещей, которые мальчик хотел бы обсудить, и ему пришлось прикусить язык, чтобы случайно не выпалить вопрос о крестражах. Его жгло желание сделать это лишь для того, чтобы увидеть выражение шока на лице директора. Тем не менее, самосохранение, каким бы временным оно ни было, было куда важнее мимолётного удовлетворения.

"Я буду стараться изо всех сил, чтобы победить." – серьёзно сообщил ему Гарри.

"Мистер Поттер, Турнир Трёх Волшебников – предполагается как суровое испытание для исключительных магов, которые на несколько лет старше вас." – Профессор МакГонагалл, казалось бы, скорее беспокоилась о его выживании, нежели пренебрегала наличием каких-либо шансов, но мальчик всё равно почувствовал лёгкую вспышку ярости.

"В таком случае, когда я выиграю, этот момент станет настоящим позором для остальных троих чемпионов." — ответил Поттер как можно спокойнее. Дамблдор одарил его лёгкой улыбкой и выбрал из миски на столе розово-полосатого жучка-леденца. Положив конфету в рот, старец пососал её с задумчивым видом.

"У меня есть к тебе вопрос, Гарри." – иссохшая рука директора потянулась через стол, ловко схватив руку мальчика. Отсутствие ногтя на большом пальце стало совершенно очевидным, контрастируя с поверхностью стола из тёмно-красного дерева. "Когда ты научился трансгрессировать?"

<http://tl.rulate.ru/book/50582/1333603>